

«Невстреча»: Бродский и Набоков

В зарубежье находились еще два русских писателя, чьи имена были едва ли не более известны, чем имя Бродского, и оба на одно-два поколения его старше – Владимир Набоков и Александр Солженицын. Они вели, хотя и по-разному, отшельнический образ жизни и, что не менее важно, если и вещали *urbi et orbi*, то не на таком языке, чтобы город и мир могли легко воспринять их оракул. Так видение мира как «сада наций», гуманно-националистическая философия, уходящая корнями в девятнадцатый и восемнадцатый века, которой были проникнуты проза и публицистика Солженицына, плохо воспринималась большинством западной и значительной частью российской интеллигенции, ориентированной на ценности личной свободы, индивидуализма и космополитизма. Набоков же был просто лишен общественного темперамента и слишком элитарен, чтобы стать общественно значимой фигурой⁴³².

«Невстреча», как сказала бы Цветаева, Бродского с Набоковым заслуживает небольшого отступления. Как мы знаем, Бродский получил доступ к книгам Набокова рано, раньше, чем большинство его сверстников. В мае 1990 года Дэвид Бетеа, работавший тогда над книгой о поэтике Бродского, спрашивал: «Набоков ушел в прозу, вы в стихи. Есть что-то общее между вами? Какие произведения Набокова для вас наиболее значительны?» Бродский отвечал: «Я обожаю „Приглашение на казнь“ и „Дар“. Местами – „Бледное пламя“... <...> Думаю, что я читал всё... <...> Наверное, первой его книгой, которую я прочитал и которая мне сразу понравилась, была „Камера обскура“⁴³³. Мне там понравился не сюжет, а переходы от

Бродскому был сорок один год. В тот же год «премию гениев» получили еще один эмигрант из Советского Союза, молодой математик Григорий Чудновский, а также друг Бродского поэт Дерек Уолкотт.

432 Набоков не был полностью аполитичен. Он постоянно и последовательно в стихах и прозе осуждал тоталитаризм и выступал против преследований инакомыслящих в СССР. См., например, его письмо в защиту арестованного в Ленинграде писателя В. Р. Марамзина (The New York Review of Books, March 6, 1975).

433 В стихотворении «В озерном краю» (ЧР) Бродский пишет о состоянии своих зубов: «Развалины почище Парфенона». Ср. у Набокова: «У дантиста [...] седины и ухватки мастера, и, вероятно, художественное отношение к тем трагическим развалинам, освещенным ярко-пурпурным куполом человеческого неба, к тем

прямого повествования к потоку сознания, когда он узнает о неверности жены... Что касается общности, то я ее не вижу. Он рос в англоязычной среде, английский был его вторым родным языком. Поэтому перемена языка была для него легким делом, а разрыв между Россией и русским языком носил скорее эстетический характер. Далее: в своих собственных глазах Набоков был поэтом. И он хотел доказать окружающим, что в первую очередь он поэт. Он не понимал, что если он и поэт, то отнюдь не великий. В этом смысле его встреча с Ходасевичем была весьма знаменательной – трагической, если хотите, но это была единственная крупная трагедия Набокова. Встретив Ходасевича, Набоков понял разницу между собой и подлинным поэтом, поэтом по определению, – хотя и после этого он продолжал упорно писать стихи. В нем это глубоко сидело – быть поэтом. Настолько, что вся его проза строится на двоякости: возьмите все эти раздвоения личности, всех этих близнецов, отражения в зеркале, бесконечные подмены и так далее... <...> у Набокова всё построено по принципу рифмы!»⁴³⁴

В 1969 году Карл Проффер послал Набокову в Монтрё «Горбунова и Горчакова». В ответ Вера Набокова писала: «Спасибо за ваше письмо, две книги и поэму Бродского. "В ней много привлекательных метафор и красноречивых рифм, – говорит ВН, – но она грешит неправильными ударениями, отсутствием словесной дисциплины и, в целом, многословием (по-английски буквально: слишком большим количеством слов. – Л. Л.). Однако эстетическая критика была бы несправедлива ввиду кошмарных обстоятельств и страдания, скрытых в каждой строке этой поэмы"»⁴³⁵. Интересно, сознательно ли великий мастер аллюзий намекнул на известный анекдот об императоре Иосифе II, который, прослушав «Похищение из сераля», якобы сказал юному композитору: «Слишком много нот, мой дорогой Моцарт, слишком много нот!»

Передав отзыв мужа о поэме, Вера Набокова пишет Профферу: «Я чрезвычайно признательна вам за посылку джинсов. Пожалуйста, сообщите мне, сколько я вам должна»⁴³⁶. Бродский получил в подарок от Набокова пару джинсов, и это был их единственный личный контакт⁴³⁷. Американские джинсы были труднодоступны и высоко ценились в Советском Союзе. Кстати, Вера Набокова называет их в своем письме старомодным словом «dungarees».